

Волебный свет, озаряющий лица С именем Ивана Евсееенко (1943-2014) в русской прозе рубежа двух веков связано чувство глубокой любви к крестьянскому миру и удивительный лиризм повествования. Начиная свой литературный путь со стихов и впоследствии целиком отдавший свой талант прозе, он придал романному письму редкую вдохновенность интонации и растворил в повествовании поразительно по сердечности участие автора в судьбах героев. Одним его произведениям свойствен «гоголевский» гротеск и черты народной фантастики, другим – внимательный взгляд на современника, попытка уловить соединение уходящего времени с наступающим. Почти всегда персонажи его романов и повестей переживают жестокий разлом жизни: смерть близких, опустошение родного края, отторжение социальным порядком затаённого, немногослового человека. Писатель жалел и словно бы опекал героев, которые близки его душе, и был жёстко ироничен, рисуя фигуры, олицетворяющие новый порядок на Руси, растерявшей все лучшие достижения советской эпохи.

Его литературный стиль отличался замечательным вниманием к деталям окружающего мира. Иван Евсееенко любил предметы, которых коснулась рука мастерового человека. Он мог уделить описанию подобных житейских мелочей несколько страниц повествовательного текста. Его жестоко упрекали за это, казалось бы, длинноты, не подозревая, что слова писателя посвящены уходящей натуре: они как бы удерживают её в сегодняшнем дне, не позволяя упасть в небытие стремительно и безвозвратно... По этой прозе в другие времена будут изучать характер русского человека в его лучших чертах, постепенно понимая, что и смута душевная, искажающая наш облик, не в силах отменить Божественное задание, спрятанное в тайниках ума и сердца.

У Ивана Евсееенко есть цикл небольших рассказов под общим названием «Трагедии нашего времени». Написанные безо всяких стиливых изысков, эти вещи отличаются лаконизмом и представляют читателю самую суть происходящего с людьми, которые жили, были счастливы или безрадостны, сталкивались как будто со случайными событиями – судьба их рушилась, и они горестно и нелепо заканчивали своё земное существование. Простота рассказа здесь – лучшее свидетельство мастерства автора, а сюжет – печальный упрёк нескладной нашей жизни, неспособности её сохранить волшебный свет, озаряющий человеческие лица, зажигающий глаза и делающий походку лёгкой: такой она бывает только в юности, полной надежд...

В конце «чёрных» 1990-х Иван Евсееенко стал главным редактором воронежского журнала «Подъём» и озвучил тезис, который в тот момент мог бы объединить публикуемые материалы: «Журнал русского национального достоинства». В эпоху, когда всякое упоминание о собственном Русском мире вызывало раздражение у власти, эта формула была дерзкой и для многих неудобной. Однако именно она позволила журналу создать фундамент для своего художественного развития в последующие годы – более широкого тематически и более многообразного в стилевом отношении.

Евсееенко обладал способностью очень кратко и образно охарактеризовать человека или явление. Последовательный сторонник отечественной традиции, он называл авторов, у которых в тексте много грязи, «литературной шпаной». И почти всегда оказывался прав, поскольку эти сочинители и творчески вели себя подобным образом.

С уходом Ивана Евсееенко в воронежской прозе словно бы отодвинулась в прошлое эпоха, в которой писательские дарования отличались замечательной весомостью, а интеллектуальные и художественные мотивы повествования соотносились с целым миром – никак не меньше.

Десять лет с Иваном Евсееенко Я часто вспоминаю настоящие слова Ивана Ивановича Евсееенко: «Слава, пишите! Нужно писать обязательно». На дворе был 1999 год. Он – главный редактор возрожденного воронежского журнала «Подъём», а я – редактор отдела культуры, краеведения и современных проблем. Совсем недавно Евсееенко сформулировал концепцию этого областного издания с максимально возможной для того времени открытостью и точностью: «Подъём» – журнал русского национального достоинства, которое связано с именами Пушкина, Гоголя, Достоевского, Толстого».

К тому времени я «молчал» почти семь лет, хотя в журнале постоянно занимался подготовкой дискуссионных материалов и обсуждений самых разных литературных и общественных тем. А Иван Иванович был верен себе: каждое утро садился за письменный стол и три часа посвящал

Вячеслав ЛЮТЫЙ

своей прозе. Он считал, что писатель должен быть постоянно в рабочем творческом состоянии, и когда что-то мешало ему следовать собственному правилу, чувствовал себя неуютно.

Помню, однажды – уже в 2000-х, когда я вплотную занялся литературной критикой, он меня наставлял и упрекал в том, что я мало времени провожу за письменным столом. В свою очередь, я сослался на несовпадение жанров прозы и критики, что вполне определенно сказывается на писательском поведении. Евсееенко меня «не услышал», и тогда я безжалостно указал ему на несходство наших ситуаций: «Вот вы пишете рассказ, повесть, роман, говорите о своих героях, о природе или еще о чем-то, но все равно черпаете из себя, то есть о себе пишете в скрытой форме. А мне предлагаете каждое утро погружаться в чужую книгу и заниматься делом не сокровенным: разбирать тексты совершенно не свои, а какого-то дяди. Поэтому рано утром каждый Божий день я в это занятие погружаться не буду, поскольку выбираю не строгую литературную дисциплину, а собственно жизнь». На что Иван Иванович снисходительно ответил: «Нет, Слава, вы выбираете не жизнь, а сон». В этом заключении был весь Евсееенко, построивший свою творческую судьбу с ноль, не нарушавший сложившиеся внутри него законы, но притом – ироничный и обладающий не только острым глазом, но и способностью кратко обозначить то, что ему не очень-то и нравится.

Мои отношения с главным редактором «Подъёма» складывались почти исключительно на работе. Однако их смысловая и житейская полнота была разнообразна, в ней находилось место дискуссии о литературе и философии, разговорам о призвании писателя, шуткам и участливому отношению друг к другу, которое Иван Иванович называл как-то по-особенному, со своей интонацией и весомым значением – «товарищеским». Наверное, слово это он благодарно принял от Гоголя – Тарас Бульба не раз упоминал о товариществе. А Гоголь для Евсееенко был фигурой всеобъемлющей. Тут, видимо, сказывалось малороссийское происхождение Николая Васильевича, которое для уроженца Черниговщины Ивана Евсееенко оказывалось равносильным землечувству. Главной глубокой любви он, наверное, не испытывал к другим русским литературным классикам, которых ценил всемерно, но имя Гоголя хранилось у него, что называется, под сердцем.

Когда в 1997 году я пришел в редакцию «Подъёма», который только начинал свою новую жизнь, отвернувшись от

скандалов и «жареных» материалов, искусительно склоняющих многие издания на путь шумный и короткий, Евсееенко попросил меня подготовить публикацию романа Александра Конанькина «Проклятые годы». Авторский текст был рыхлым, порой скатывался к «потоку сознания», а само построение внутреннего монолога главного героя Фомы Опискинына, прибалтийского интеллигента-радикала, напоминало говор иностранца, который испытывает легкие трудности в построении фразы на неродном языке. Терпеливо, хотя порой и скрипя зубами, я делил объемное синтаксическое целое на внятные периоды, имея в виду именно такое происхождение речи центрального персонажа, которое дополнительно окрашивало его ментальность и поведение. Автор, кажется, выстраивал свой текст интуитивно, безо всяких концептуальных подложек, стиль повествования выглядел из прозаической «руды» непроизвольно, и поэтому моя догадка о чужом сознании, психологии и речи была очень кстати, добавляя изобразительной убедительности произведению.

Между тем, поручение главного редактора поработать над рукописью прозы, тем более объемного романа, было странным для меня – по штатному расписанию, редактора отдела культуры, краеведения и современных проблем. Мой хлеб в сложившихся обстоятельствах – статьи соответствующей тематики, аналитические или эмоциональные, как правило, не посягающие на территорию собственно художественную, где и организация текста и сама фактура слова устроены и окрашены совсем по-другому. И только позднее я понял: Иван Евсееенко проверял меня на литературную пригодность в самых разных жанрах. Об этом он мне не говорил, но взаимопонимание, связанное с уяснением сердцевины того или иного текста, однажды возникнув, потом из наших бесед никогда не исчезало.

Впрочем, Евсееенко частенько любил показать, кто в доме старший по возрасту и литературному опыту. Житейская искусственность в его устах не выглядела демонстративной, скорее, она напоминала советы пожившего и навидавшегося человека, который сведущ не только в писательском ремесле, но и во многих иных вещах, которые сопровождают человека нашего времени в путешествии по жизни. Он мог авторитетно рассуждать, скажем, о ремонте крыши или о живописи, говорить о событиях войны или о государственном значении литературы и писателя. Иногда у нас возникали столкновения, по словам – резкие, но по главному содержанию спора никто из нас не противоречил другому. Как-то я довольно резко высказался о литераторах, которые конвейерным способом пишут свои опусы. Иван Иванович тут же спросил довольно напряженным голосом: «Почему вы, Слава, так не любите писателей?» В свою очередь, не менее определенно я ответил, что преклоняюсь перед теми авторами, которые не шадят себя в изучении русского мира, и с отвращением относясь к иным тщеславным и расчетливым сочинителям, которые озабочены только личным самоутверждением. Развивать дискуссию мы не стали, потому

что в самой глубине наших запальчивых фраз были тайно согласны друг с другом: писателей необходимо шадить, а самоотдача художника должна быть полной.

Во второй половине редакционного дня, когда у главного редактора уже не было неотложных задач, Евсееенко приходил ко мне в комнату, усаживался в кресло и, наблюдая за моей работой, начинал рассказывать что-то из собственного опыта – литературного или житейского. У меня же почти всегда в таких случаях времени катастрофически не хватало, я слушал его вполуха, отвечая иногда односложно, а порой и жестко – как человек, которого отвлекают от серьезного дела.

Однажды я запакывал бандероли для отправки номеров журнала нашим авторам. Это было важно в качестве обратной связи редакции с писателями, и я сам взялся за подобную черновую работу: если привлек к сотрудничеству с журналом какого-то человека, значит, и удерживать его вблизи «Подъёма» должен именно ты. Почтовую бумагу приходилось клеить конторским клеем, все руки были им измазаны. На столе сохли

культурно-этнографическую практику, в скрытой форме содержащую элементы осознанного и настойчивого украинства, молчаливо изоляционистского по отношению к русскому бытию и укладу. Но он совершенно определенно отказывался от подобных предложений, в какой-то мере считая их провокационными. «Если случится, не приведи Бог, конфликт между Россией и Украиной, – говорил он задолго до военного противостояния, в которое мы погружены сегодня, – украинские структуры в России непременно выступят в роли «пятой колонны». Как в воду глядел... Но при этом его потаенная любовь к малой родине не исчезала, а преобразалась, и становилась истинно общерусской – именно такое чувство нежности к Малороссии пронизывает раннюю прозу Гоголя.

Мудрое и ответственное отношение к «украинскому вопросу» Евсееенко обозначил в беседе «Украина или окраина?», которая была опубликована в 2006 году воронежской газетой «Русский формат» и затем разлетелась по интернету. Очень показательно, что уроженец села Займи-

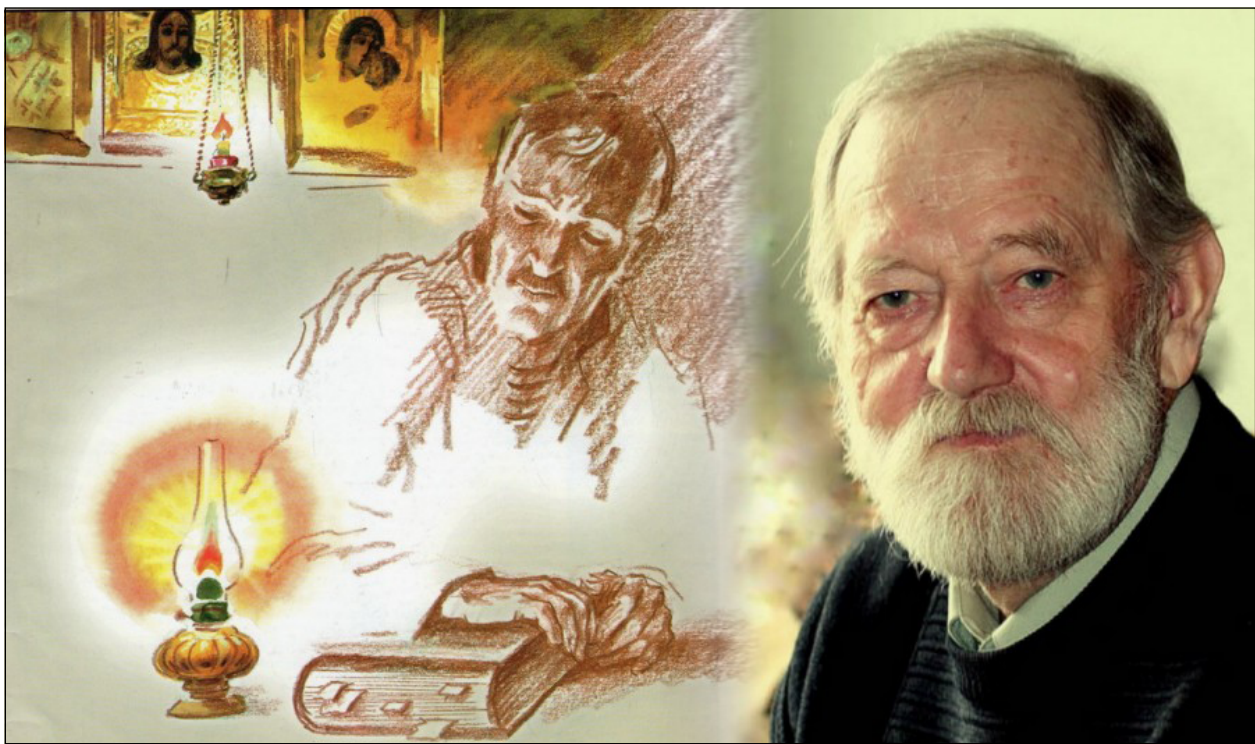
разным поколениям, прежде публиковались рассказы и повести, но вот, наконец, завершен роман. Вещь пестрая, в которой любовь и горечь, чувство жизни и весны сочетались с закатом и распадом советской системы, потерявшей смысл собственного существования. Название Витя дал своему произведению какое-то несуровое, которое не понравилось никому в редакции «Подъёма». Никитин отнес рукопись на суд Ивану Ивановичу как старшему собрату и главному редактору литературного журнала, а меня позвал на последующее обсуждение. И вот сидим мы с Виктором напротив Евсееенко, он высказывает заслуженные похвалы стилю и языку, осторожно упрекает автора в замысловатой композиции романа, а потом однозначно говорит, что название книги нигде не годится. К этому Никитин был уже готов. Но тут Иван Иванович очень весомо, со значением предлагает: «Думаю, что роман нужно назвать «Символ». Сказать, что Витя Никитин был этим смущен – не сказать ничего: он сошел с лица, кажется, поблелел и едва ли не начал сползать со стула. Кое-как мы с ним принялись отнекиваться и обещали найти наименование хорошее, содержательное и соответствующее настроению всей этой истории. Никитина я попросил принести десять вариантов, из которых окончательным лейтмотивом повествования оказалась фраза «Исчезнут, как птицы».

Евсееенко сдержанно согласился. Вообще-то, он любил повторять, что большую вещь необходимо начинать с названия, тогда сюжет будет выстраиваться органично, потому что образ и мысль, заложенные в его начало, будут пронизывать текст и делать его единым целым. Не всегда удается воплотить на деле это пожелание как прозаику, так и критику. Но сам Иван Иванович внутреннему правилу как будто следовал неукоснительно. А книжка Вити Никитина после журнальной публикации была издана в Воронеже, и по сей день ее название кажется одним из самых поэтических в современной городской прозе.

В художественном пространстве Ивана Евсееенко автор всегда видится идеалистом.

Все лучшее, что есть в русском человеке, писатель подчеркивал, сочувствовал этому и старался поддержать своим словом. В романе «Забывшее время», отражая советскую эпоху 60-70-х годов, он создал замечательный образ главной героини, в какой-то степени отсылающей читателя к пушкинской Татьяне из «Евгения Онегина». Такая творческая и душевная установка требует от прозаика особенной личинности слога. И Евсееенко этим свойством обладал – прежде он сочинял стихи и только потом поступил в Литературный институт в семинар прозы Сергея Запыгина.

Он написал много – тут и романы, и повести, и короткие драматические рассказы, воспоминания, литературная публицистика. Кажется, все его произведения были опубликованы в книгах и журналах, размещены в интернете, но порожек или в лучшем случае в виде сборника. Когда видишь россыпь этих изданий на столе, возникает совершенно естественное желание более пристально взглянуть на наследие писателя, представить его в виде строгого собрания сочинений, подоглощенного неторопливо и тщательно, с хорошим дизайном. Иван Евсееенко и его художественный мир, несомненно, заслуживают такой судьбы, потому что перед читательским оком – литературная классика трагических десятилетий трудной русской истории.

Вспоминая Ивана Евсееенко

«С земли до звёзд встаёт Москва!» Владимир Хомяков

К 150-летию Валерия Брюсова

Ющимся поэтом и общественным деятелем. Вот выдержки из неё:

«Умер Брюсов. Эта весть больна и тяжела, особенно для поэтов.

Все мы учились у него. Все знаем, какую роль он играл в истории развития русского стиха. Большой мастер, крупный поэт, он внес в жизнь струю свежей и новой формы...

Брюсов был в искусстве новатором ... он первый сделал крик против шаблонности своим знаменитым:

О, закрой свои бледные ноги.
Много есть у него прекраснейших стихов, на которых мы воспитывались.

Брюсов первый раздвинул рамки рифмы и первый культивировал ассонанс. Утрата тяжела ещё более потому, что он всегда приветствовал всё молодое и свежее в поэзии. В литературном институте его имени вырастали и растут такие поэты, как Наседкин, Иван Приблудный, Акулишин и др.

Брюсов чутко относился ко всему талантливому.

Сделав свое дело на поле поэзии, он последнее время был вроде арбитра среди сражающихся течений в литературе. Он мудро знал, что смена поколений всегда ставит точку над юными, и потому, что он знал, он написал такие прекрасные строки о гуннах:

Но вас, кто меня уничтожит,
Встречая приветственным гимном.

Очень грустно, что на таком литературном безрыбье уходят такие люди».

Поистине справедливая характеристика творческого пути одного из виднейших русских поэтов!

Думаю, что Сергей Есенин, когда писал статью о Валерии Брюсове, вспоминал событие, которое произошло за несколько лет до этого в аудитории Политехнического музея в Москве, во время большого поэтического вечера. Вот что рассказывал о том очевидец, известный литературовед Иван Розанов: «Аудитория Политехнического музея в Москве. Вечер поэтов. Духота и теснота... Один за другим читают свои стихи представители различных поэтических групп и направлений... Председательствует сдержанный... Валерий Брюсов. Очередь за имажинистами. Выступает Есенин. Начинает свой «Сорокоуст». Уже четвёртый или пятый стих вызывает кое-где свист и отдельные возгласы неодобрения... Есенин пытается продолжать, но его не слышно. Шум растёт. Есенин ретируется. Часть публики хлопочет, требуя, чтобы поэт продолжал. Между публикой явный раскол... Брюсов

встает и говорит:

– Вы услышали только начало и не даёте поэту говорить. Надеюсь, что присутствующие поверят мне, что в деле поэзии я кое-что понимаю. И вот я утверждаю, что данное стихотворение Есенина самое лучшее из всего, что появилось в русской поэзии за последние два или три года.

Есенин начинает, по обыкновению размахивая руками, декламировать сначала...

А через неделю-две не было, кажется, в Москве молодого поэта или просто любителя поэзии, следящего за новинками, который бы не декламировал «красногиривого жеребёнка».

Вот такие были отношения столетие назад между настоящими мастерами Слова!

Валерий Брюсов выпустил при жизни немало поэтических сборников: «Шедвры» (1895), «Это – я» (1897), «Третья стража» (1900), «Городу и миру» (1903), «Венок» (1905), «Все напевы» (1909), «Зеркало теней» (1912), «Семь цветов радуги» (1916), «Последние мечты» (1920), «В такие дни» (1921), «Миг» (1922), «Дали» (1922) и другие. В книге «Меа» («Спешим!», вышедшей в октябре 1924 года, в день похорон поэта, есть стихотворение «У Кремля» (декабрь 1923 г.):

По снегу тень – зубцы и башни;
Кремль скрыл меня – орёл крылом.
Но город-миф – мой мир домашний,
Мой кров, когда вне – бурелом.

Там – жут, те – в эневе, треплет – с теми;
Гул над землёй метёт молеа...
И – зов над стоном, светоч в темень, –
С земли до звёзд встает Москва!

А я, гость лет, я, постоялец
С путей веков, здесь дома я.
Полвека дум нас в цель спаяли,
И искра есть в лучах – моя.

Здесь полнит память все шаги мне,
Здесь, в чуде, я – абсорбен,
И я храним, звук в чьём-то гимне,
Москва! в дыму твоих легенд!

Перу Валерия Брюсова принадлежат и прозаические произведения, в том числе сборник «Земная ось» (1907), романы «Алтарь Победы» (1912), «Юпитер поверженный» (1913), повесть «Рей Сильвия» (1914). Активно работал мастер и в жанре литературной критики, выступив в свет книгу «Далёкие и близкие» (1912), опубликовав в различных изданиях множество статей и рецензий, посвящённых писательскому творчеству. Особо здесь стоит отметить обзор «Вчера, сегодня, завтра русской поэзии» (1922), где был дан глубокий анализ этому виду искусства за первое послеоктябрьское пятилетие.

Высокой оценки достойна и переводческая деятельность Валерия Брюсова, владевшего классическими и основными европейскими языками. Он оставил читателям свои переложения произведений Вергилия, Гёте, Байрона, Эдгара По, Уайльда, Мольера, Расина, Гюго, Верлена, Метерлинка, Верхарна. За подготовку объёмной антологии армянской поэзии Валерий Яковлевич в год своего 50-летия был удостоен почётного звания народного поэта Армении. На торжественном заседании, состоявшемся в Большом театре в декабре 1923 года в честь юбилея Брюсова, выдающиеся заслуги мэтра отечественной словесности, основателя и ректора Высшего литературно-художественного института были отмечены грамотой ВЦИК.

А спустя почти десять месяцев, в скорбном октябре 1924 года, Сергей Есенин написал и опубликовал в газете «Заря Востока» стихотворение «Памяти Брюсова». Оно начиналось такими словами: *Мы умираем, Сходим в тишь и грусть, Но знаю я – Нас не забудет Русь. Верные, пророческие строки!*

АНО «Газета русских писателей «ДЕНЬ ЛИТЕРАТУРЫ»

Учредитель – Союз писателей России

Свидетельство о регистрации от 12.04.2019

№ 1197700005513

Адрес редакции: 119146, г. Москва, Комсомольский проспект, 13, каб. 109

Тел. редакции: 8 (916) 015-80-69

Наш сайт: denliteraturi.ru Электронный адрес: denliteratur@yandex.ru

Отпечатано в АО «Красная Звезда» (125284, г. Москва, Хорошевское шоссе, 38, тел.: (495) 941-32-09, (495) 941-34-72, (495) 941-31-62, http://www.redstarprint.ru, e-mail: kr_zvezda@mail.ru).

Тираж 4 000

Главный редактор –
Валентина ЕРОФЕЕВА

Подписано в печать 25.12.2023 г.

Заказ № 6946-2023

Позиция редакции может не совпадать с точкой зрения авторов

18+